

**НООСФЕРНАЯ ИСТОРИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА
КАК ПРОЦЕСС КОЭВОЛЮЦИИ
МИРОВОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ**

Всемирная история XX века открыла новую эпоху в эволюции исторического сознания: оно приобрело не только качество всемирности, но планетарности, глобальности. История обществ и цивилизаций (формы социальной истории) вошла в сопряжение с геологической историей, историей планеты и историей Вселенной.

Процесс понимания истории человеком прошел несколько этапов: натуралистический (когда человек не вычленил себя из естественной природы), мифологический (когда человек пытался усмотреть причинно-следственные связи исторического бытия в художественных формах, подсказанных картинами существования рода), монорелигиозный (в рамках которого человек обнаруживал божественные и идеальные основания своей *перспективной* истории), философский (позволивший человеку понять дихотомичность исторического метаболизма в противоречиях духовно-сознаниевого и материально-экономического) и, наконец, научный, сначала позитивистский, а позднее — постпозитивистский (который реально поставил рамки стандартной концепции науки для осмысления взаимосвязи эмпирических фактов, эмпирических обобщений и теоретических законов метаистории).

В настоящее время происходит синтез исторических и историографических методологий, формируется «историческая онтология», предполагающая многовариантность (многоликость) понимания истории и как естественного, геологического, космопланетарного, и как искусственного, социального, экзистенциального процессов. Особенно значимо проявляется эта тенденция при использовании постнеклассической парадигмы

науки, раскрывающейся через универсальный эволюционизм и синергетические представления.

Вся история человеческой цивилизации от поисков края ойкумены А. Македонского, путешествий Колумба и до полетов человека в Космос — дерзновенные попытки расширить понимание среды обитания человека. В этом смысле исторический процесс расширяется как в пространстве, так и во времени, как вширь, так и вглубь, в максимальной степени эксплицируясь через духовную субстанцию.

Всемирная история становится Вселенской историей, ибо смысл истории человечества и заключается в том, что человек постигает расширяющуюся тотальную историческую топографию и топологию своего существования. Воплощение всеобщего в единичном, вселенского в человеческом, совмещение (тождество) бытия мира и бытия сознания может рассматриваться как развертывающаяся вселенская история — ноосферная история. В ней отражается и мировая история и библейская история, ибо и та и другая могут быть представлены как экспликация «абсолютной идеи» — вселенствование сознания.

Категориальный синтез форм исторического бытия

Последнее десятилетие в логике развития отечественной социально-философской и историко-методологической мысли прошло под знаком возвращения духовных составляющих исторического и метаисторического процессов во всей их полноте, может быть не имевшей места в осмыслении философии истории на всем протяжении предшествующей жизни человечества. Информационное общество востребовало недостающие белые пятна целостной картины исторического бытия человечества, и в самой существенной мере это касается «старой» и «новой» российской истории.

В условиях глобализации истории в терминологический круг наряду с понятием «всемирная история» вошли такие понятия, как «интеллектуальная история», «универсальная история», «глобальная история», «большая история» («big history») и др.

Значительный шаг в понимании целостности истории был сделан А. П. Назаретяном, который раскрыл содержание понятия «универсальная история». Термин «универсальная история» используется для обозначения самого широкого смысла. «История универсальная (...англ. эквивалент — Big History) — история Вселенной (Метагалактики) от гипотетического Большого Взрыва до современности. В самой общей периодизации включает космофизическую, биологическую и социальную стадии. Концепция универсальной истории сформировалась в 1980—1990-х гг. усилиями ученых России, США, Австралии, Бельгии, Голландии и др. стран... Существенную роль в концепции универсальной истории играют модели кибернетической теории систем, теории диссипативных структур и синергетики»¹.

«Глобальная история — это история Земли, рассматриваемая как последовательное образование, развитие и взаимовлияние планетарных сфер, в процессе которых сначала биота, а затем культура становились ведущими агентами преобразований. Как междисциплинарная область знания глобальная история сформировалась в первой половине XX века, когда было обнаружено глубокое взаимовлияние геологических, биотических и социальных процессов. Ее основоположниками считаются русский геохимик В. И. Вернадский, французский антрополог П. Тейяр де Шарден и философ Э. Леруа, доказавшие, что история человечества... представляет собой фазу глобальной эволюции, которая завершается созданием ноосферы (выделено мной. — Г. С.)»². Вот это последнее замечание и позволяет наряду с термином глобальная история выстраивать концепт истории ноосферной.

Духовные (мифологические, религиозные, философские, научные) измерения исторического процесса позволяют понять историческое пространство как принципиально многомерное и дают повод переосмыслить на основах синергетической методологии сверхсложность истории. История (с большой буквы) понимается как *фундаментальная (вселенская) онтология* в силу того, что в ней действует континуум субъектов разного уровня сложности и различной природы — в том числе мировая интеллигенция, облеченная человеческим субстратом.

науки, раскрывающейся через универсальный эволюционизм и синергетические представления.

Вся история человеческой цивилизации от поисков края ойкумены А. Македонского, путешествий Колумба и до полетов человека в Космос — дерзновенные попытки расширить понимание среды обитания человека. В этом смысле исторический процесс расширяется как в пространстве, так и во времени, каквширь, так и вглубь, в максимальной степени эксплицируясь через духовную субстанцию.

Всемирная история становится Вселенской историей, ибо смысл истории человечества и заключается в том, что человек постигает расширяющуюся тотальную историческую топографию и топологию своего существования. Воплощение всеобщего в единичном, вселенского в человеческом, совмещение (тождество) бытия мира и бытия сознания может рассматриваться как развертывающаяся вселенская история — ноосферная история. В ней отражается и мировая история и библейская история, ибо и та и другая могут быть представлены как экспликация «абсолютной идеи» — вселенствование сознания.

Категориальный синтез форм исторического бытия

Последнее десятилетие в логике развития отечественной социально-философской и историко-методологической мысли прошло под знаком возвращения духовных составляющих исторического и метаисторического процессов во всей их полноте, может быть не имевшей места в осмыслении философии истории на всем протяжении предшествующей жизни человечества. Информационное общество востребовало недостающие белые пятна целостной картины исторического бытия человечества, и в самой существенной мере это касается «старой» и «новой» российской истории.

В условиях глобализации истории в терминологический круг наряду с понятием «всемирная история» вошли такие понятия, как «интеллектуальная история», «универсальная история», «глобальная история», «большая история» («big history») и др.

Значительный шаг в понимании целостности истории был сделан А. П. Назаретяном, который раскрыл содержание понятия «универсальная история». Термин «универсальная история» используется для обозначения самого широкого смысла. «История универсальная (...англ. эквивалент — Big History) — история Вселенной (Метагалактики) от гипотетического Большого Взрыва до современности. В самой общей периодизации включает космофизическую, биологическую и социальную стадии. Концепция универсальной истории сформировалась в 1980—1990-х гг. усилиями ученых России, США, Австралии, Бельгии, Голландии и др. стран... Существенную роль в концепции универсальной истории играют модели кибернетической теории систем, теории диссипативных структур и синергетики»¹.

«Глобальная история — это история Земли, рассматриваемая как последовательное образование, развитие и взаимовлияние планетарных сфер, в процессе которых сначала биота, а затем культура становились ведущими агентами преобразований. Как междисциплинарная область знания глобальная история сформировалась в первой половине XX века, когда было обнаружено глубокое взаимовлияние геологических, биотических и социальных процессов. Ее основоположниками считаются русский геохимик В. И. Вернадский, французский антрополог П. Тейяр де Шарден и философ Э. Леруа, доказавшие, что история человечества... представляет собой фазу глобальной эволюции, которая завершается созданием ноосферы (выделено мной. — Г. С.)»². Вот это последнее замечание и позволяет наряду с термином глобальная история выстраивать концепт истории ноосферной.

Духовные (мифологические, религиозные, философские, научные) измерения исторического процесса позволяют понять историческое пространство как принципиально многомерное и дают повод переосмыслить на основах синергетической методологии сверхсложность истории. История (с большой буквы) понимается как *фундаментальная (вселенская) онтология* в силу того, что в ней действует континуум субъектов разного уровня сложности и различной природы — в том числе мировая интеллигенция, облеченная человеческим субстратом.

В ряду появившихся терминов, подлежащих проверке на принципах дополнительности и «бритвы Оккама», находится и термин «ноосферная история».

«Ноосферная история человечества» — термин, претендующий на то, чтобы задать максимально широкий смысл истории в доминантности духовных и информационных процессов, появившихся с возникновением человека. На первый взгляд, уже существующие материалистические и идеалистические (формационный и цивилизационный) подходы к осмыслению истории в значительной мере выполняли задачу структурирования как феномена истории, так и исторического процесса. Однако в философской литературе последнего десятилетия отмечается, что оба эти подхода должны существовать не сами по себе, а в контексте принципа дополнительности.

Цивилизационно-формационный подход может рассматриваться как «двуликий Янус» мировой истории и в том смысле, что таким образом фиксируется обращенность к прошлому и взгляд в будущее, и в том, что уравниваются в правах материальные и духовные факторы исторического развития. По этой причине в современной философии истории возникает *ноосферная методология исторического универсума*. Ноосферная методология вряд ли может быть истолкована как проявление философского дуализма, но и философский плюрализм в данном случае перерастает в другое качество — в качество универсумной методологии истории.

Ноосферная история предполагает не только материально-орудийную и материально-техническую стороны исторического процесса, но и все интеллектуально-духовное и информационно-знаниевое пространство, которое, в конечном счете, и делает мир таким, какой он есть. Но, кроме того, ноосферная история это и история формирования человеческого содержания духовных процессов, которые проявляются, прежде всего, в эволюции интеллигенции. Ноосферная история — это история обустройства мира под формы духа, те конкретно-исторические парадигмы внутреннего и внешнего миропостроения, которые создаются в творческом труде.

Ноосферная история как единство человеческой и естественной истории

Бурное развитие науки как планетного явления привело к беспрецедентному охвату исторического процесса: современный человек мыслит историю Универсума от точки сингулярности (15 млрд лет назад) до точки ближней виртуальности («предсказуемого настоящего-будущего», отстоящего от настоящего приблизительно на 50 лет вперед) и даже самой далекой виртуальности («энергии Солнца хватит еще на 5 млрд лет»). Это позволяет применить идеи универсального эволюционизма к масштабности вселенской истории.

К. Маркс, выстраивая формационную онтогенетику, предвидел слияние истории природы и истории общества в единую человеческую историю. В действительности такого рода историческая методология, подразумевающая доминацию антропоного принципа в его сверхсильном варианте («человек... является необходимым элементом Вселенной, поскольку на определенном этапе ее эволюции он становится ключевым участником космотворческого процесса»)³, с большой точностью может быть обозначена как ноосферная методология истории Универсума.

Источниками рождения ноосферной методологии истории являются не только географический детерминизм в различных его формах, а также «экологический детерминизм», геополитические, геоэкономические, геоэкологические, геоэтнонациональные и геоинформационные подходы. Полиметодологичность (методологическая дополнительность) — важнейший фактор феномена понимания вселенской истории человечества.

Существенно важно эксплицировать из Универсума ноосферной истории пространственные и временные формы (с позиций неклассического мышления) — «единое историческое пространство-время», о чем глубоко размышлял В. И. Вернадский в работе «Пространство и время в живой и неживой природе»⁴. Хронотоп ноосферной истории и может рассматриваться как сфера приложения усилий мировой интеллигенции.

Современный человек, живущий в библейском историческом времени, связанном с представлениями о Сотворении Мира

и Конце Света, начинает воспринимать историю не только в контексте художественного, философского и религиозного дискурсов, но переходит к научным формам вселенского времени. История оказывается наукой о формах человеческого бытия времени, при этом за всемирной (глобальной) историей открывается история вселенская. Феномен пересечения человеческой истории с историей естественной и может быть обозначен как ноосферная история — история становления человеческого Духа Вселенной.

Ноосферная история: к проблеме определения

Ноосферная история человечества — явление чрезвычайно многообразное, ибо многообразны человеческие и социальные формы деятельности и бытия. Учитывая уровневые особенности бытия, феномен ноосферной истории может быть представлен через «триаду нетождественности»: «ноосферная история», «Ноосферная история», «НООСФЕРНАЯ ИСТОРИЯ» (по аналогии с триадой Н. Н. Моисеева «рынок», «Рынок», «РЫНОК»). Это дает нам возможность показать переходы от экзистенциально-персоналистического к общественно-цивилизационному и далее до космопланетарного и вселенского уровней ноосферной истории.

В узком смысле слова ноосферная история может быть рассмотрена, прежде всего, как «культурная история» человека и человечества, его духовная, сознаниевая (интеллектуальная) история; Ноосферная история — история развития Разума, которая своими корнями уходит в формы развития живого вещества, процессы цефализации и сапиентации. Уровень НООСФЕРНОЙ ИСТОРИИ предполагает видение человека в качестве космопланетарного феномена, основные параметры которого представлены в работах В. П. Казначеева и его коллег⁵. Космическая, биологическая и культурная «генетика» предстают сопряженными формами развертывания ноосферной (вселенской) истории человечества.

Одна из первых моделей «истории, оживленной духом», связана с «принципом ментализма» Гермеса Трисмегиста. «Все есть Ум» — так выглядит посеянное зерно ноосферной истории.

Библейская история (как и другие «истории», представленные мировыми религиями) задается именно как космопланетарная (вселенская) история, и лишь потом на ее основе строится «дивергенция исторических методологий». В этом смысле положение «В начале было слово» может рассматриваться и как религиома, и как центральная методологическая доминанта ноосферного понимания истории. В продолжение этого дискурса встраиваются «Слово Мудрости волхва Велимудра», «Слово о полку Игореве», «Слово о Законе и Благодати», которые являются формами протометодологии ноосферной истории. Ярчайшим образом представления ноосферной истории может считаться «Слово о полку Игореве», ибо в этом памятнике русской культуры со вмещены в едино-целостности все аспекты бытия человека и социума в социоприродной и вселенской размерности Универсума.

Различные аспекты ноосферной методологии понимания истории раскрыты в философии Платона, Августина Блаженного, Т. Кампанеллы, Г. Гегеля, Вл. Соловьева, П. Тейяра де Шардена, В. Вернадского, Х. Ортеги-и-Гассета, О. Шпенглера, А. Тойнби, Л. Н. Гумилева, Д. Л. Андреева, Н. К. Рериха и других мыслителей.

История повседневного бытия человека сопровождается соприкосновением с другими личностными и социальными хронотопами, отражается в природных явлениях и живом веществе природы; оказывается, что история всегда единична, хотя на первый взгляд она мозаична и расколота. Человек в универсуме — вот смысл ноосферной истории. Одним из первых, кто создал эскиз ноосферной истории в XX веке, был П. Тейяр де Шарден. Он не только показал, что стрела вселенской эволюции представлена цепочкой «преджизнь—жизнь—мысль—сверхжизнь», но и связал развитие универсума со становлением ноосферы. Изучение первобытного человека — синантропа — позволило найти аналогию между картиной звездного неба и картиной бесконечных огоньков зажигающегося разума.

Значительный потенциал ассоциативной эвристики в раскрытии представлений о ноосферной истории имеется в творчестве Д. С. Лихачева. Его понимание фундаментальной истории «Слова», размышления об экологии культуры, формулы «Декларации прав культуры», а также историческая логика и мето-

дология «Истории русского искусства от древности до авангарда» фактически создали особую ауру тонкого, духовного понимания исторического бытия человека и человечества как в модусах, так и в целостности Вселенной.

В. И. Вернадский о роли сознания в мировой истории

В работах В. И. Вернадского произошло удивительно органичное и естественное по своей природе слияние геологического и исторического времени применительно к развитию сознания и научной мысли цивилизованного человечества. В его трудах, может быть впервые, ноосферная история предстала в качестве вселенской онтологии, т. е. ноосферная история вплелась в ноосферную картину мира. В. И. Вернадский рассматривал процесс «мирового устойчивого развития» в контексте создания интеллектуального центра человечества (ИЦЧ) как одной из важнейших структур будущей ноосферы. Как пишут А. Г. Ганжа и И. А. Тугаринов, такой центр должен «аккумулировать и эффективно использовать для решения актуальных проблем современности весь огромный исторический опыт, накопленный человечеством в процессе его развития»⁶.

Значительный шаг вперед в понимании целостного исторического процесса осуществили евразийцы. В частности, труды Г. В. Вернадского по русской истории В. И. Вернадский оценил как перенесение ноосферного подхода на пространство исторической мысли.

Духовная коэволюция человечества

Родовым признаком всемирно-исторического процесса развития является самоосуществление разума, сознания, интеллигенции. Сначала, на самых первых этапах, возникали спорадические «единицы интеллигенции», затем процесс шел очень неравномерно, то затухая, то вновь интенсивно двигаясь вперед. В. И. Вернадский прекрасно показал это движение, носящее планетный характер, на примере развития научной мысли и фе-

номена науки. Но такого рода движение характерно не только для науки, но и для всех форм культурного подвижничества. Процессы интеллектуальной (образовательной) и интеллигентской эволюции происходили параллельно, один из них лидировал, но, сыграв свою роль, уходил в тень и вновь набирал силы для нового рывка вперед.

Главная роль интеллигенции в историческом развитии человечества — в сохранении культурного генофонда и передаче его другим поколениям. Специфика этой метафоры станет лучше понятна при обращении к современным моделям генетики, в частности к «расшифровке генома человека». Культурология и интеллигентоведение в известном смысле слова решают одну и ту же очень важную задачу — расшифровывают «геном культуры человечества». Человечество как единый организм, как всеединство организуется не столько в формах биоразнообразия, сколько в исторически и культурно апробированных формах человеческого поведения, интеллектуальной целеполагающей деятельности, которая сопровождает (и в то же время сопровождается) формами внешнего и внутреннего миропостроения.

Задача современного культурного человечества — эксплицировать все имевшие место и время актуальные и потенциальные формы человеко-бытия. Без этой огромной работы человеческая цивилизация так и не сможет понять «для чего» она, не сможет обнаружить вселенский вектор своего развития.

Обратим внимание на то, что интеллигенция сохраняет «информацию человеческого бытия» не только в информационной, но и телесно-бытийной форме. Не случайно говорят, что максимум пассионарности род достигает в третьем поколении своего развития, а затем (как показывает история) чаще всего прерывается, ибо, вероятно, энергия растрачивается как «взрыв сверхновой звезды». От отца к сыну передаются не только генетическая и культурная (образование) составляющие, но и форма «вселенского поведения», постепенный охват все более широкой среды обитания. При этом следует иметь в виду, что феномен интеллигентности, несмотря на свое родовое (мировое) качество, всегда имеет не только этнонациональное, но и личностно-конкретное историческое лицо. Такого рода многоликость ин-

теллигенции — это не ошибка философского дискурса, а реальный факт многозначности реального исторического процесса.

В трудах К. Маркса тщательному анализу были подвергнуты, прежде всего, моменты материально-экономического измерения общественного развития, в трудах В. И. Вернадского происходит осмысление процессов духовно-интеллектуального измерения человеческой истории. В силу этого и возникает проблема сближения ноосферного и интеллектуального, культурного развития.

Анализ процесса формирования интеллигенции в контексте деятельностного подхода представляет собой известную сложность в силу того, что в отечественной историографии последних десятилетий интеллигенция не рассматривалась как субъект материально-экономической деятельности, статус прослойки выводил ее за рамки фактора исторического процесса. Лишь в последние годы субъект *духовного производства* — техническая, научная, образовательная интеллигенция оказалась в центре внимания. В условиях технотронного (информационного) общества логика и философия духовного производства оказываются той сферой интеллектуальной работы, без которой невозможно осмыслить синергетику духа, самоорганизацию человеческого сознания.

Для понимания роли интеллигенции в общественном развитии целесообразно обращение к синергетическому подходу, ибо он помогает рассмотреть интеллигенцию как ту человеческую субстанцию, которая живет в другом времени, нежели современное ей общество. Вся проблема в том, насколько данная интеллигенция «отрывается» от своего времени, *становится аттрактором ноосферного развития*. Думается, что российская интеллигенция начала XX века опередила время не меньше, чем на полстолетия, если учитывать возможность сослагательного измерения истории, и, может быть, столетия, если учитывать наши реалии. Интеллигенция в историческом процессе всегда выступает как *катализатор развития* в направлении становления общечеловеческого состояния и общечеловеческих ценностей.

Геологически процесс становления интеллигенции может быть представлен как движение к точке Омега. Интенция стремления к постижению божественных возможностей человека и человечества — главное в интеллигенции как субстанции. Ины-

ми словами, рассмотрение интеллигенции оказывается возможным на уровне единичного, особенного и всеобщего. Форма всеобщего — это субстанциальное измерение, на уровне особенного порождается этнонациональная специфика интеллигенции, но самый важный уровень рассмотрения данной проблемы связан с проявлением единичного, т. е. конкретного (ноосферного) человека, в котором посредством образования и самообразования развиваются качества интеллигентности.

Универсумное понимание исторического процесса создает условия для полноформатного осмысления феномена интеллигенции, ибо становится возможным не акцентировать внимание только на материальных или только духовных аспектах, а искать формы взаимообусловленности материального и идеального, телесного и духовного, субъективного и объективного, социального и природного в развертывании исторического процесса.

Осевое время в этом смысле — это время интенсивного становления качества интеллигенции, именно тогда совпадают разнородные условия, способствующие образованию уникальной самоподдерживающей структуры, позволяющей обществу взглянуть на мир в целом, на мир как единое целое, слиться с миром. Интеллигенция как духовное состояние — это конкретно-историческое ощущение и понимание своего единства с миром, который постоянно расширяется, заставляя тем самым расширяться и человеческую субъективность; это духовная возможность совпадения масштабностей субъекта и объекта. Чаще всего общество живет в состоянии, когда этого совпадения в принципе не может существовать; в ощущении подобного стояния, включенности в универсум, находятся лишь единицы: в некоторых случаях общество, лишенное попечительства интеллигенции как способности стремления к соединению, раскалывается и тем самым уничтожает ту реальную группу — интеллигенцию, которая не смогла обеспечить единение. В этом смысле интеллигенция — это формула единения человеческих общностей, субъективный фактор, обеспечивающий центростремительное движение исторического процесса. С точки зрения физики можно было бы сказать, что в истории также действует «принцип тяготения» и интеллигенция — форма «духовного тяготения».

Социальная философия интеллигенции — это область размышления о предельных основаниях человеческой духовности в конкретных условиях социально-экономического развития, в сиюминутных формах исторического. В этом смысле ноосферная история — это история интеллигенции, *а история человечества — это (в предельном своем выражении) история развития интеллигенции на субстрате человеческого.*

Ноосферное развитие и типология интеллигенции

Тезис о том, что типологизация интеллигенции возможна на базе духовного развития цивилизации, предполагает возможность своего осуществления на основе 1) религиозно-конфессионального критерия; 2) философемного критерия (т. е. выявления философской парадигмы, на базе которой строится мировоззрение данной социальной группы); 3) научной парадигмальности. В конечном итоге такая многосторонняя аналитика позволяет говорить о трехипостасности интеллигенции (т. е. трех измерениях интеллигенции, которая рассматривается как духовная субстанция). Такое абстрагирование представляет собой сильную редукцию, но ничто не мешает на выделенные идеальные типы интеллигенции спроецировать формы материального бытия, учитывая при этом, что если в определенный момент материальное в интеллигенции побеждает идеальное, то рассыпается и сам феномен интеллигенции. Подобная аргументация ориентирует на использование универсумных и ноосферных подходов в исследовании интеллигенции.

С точки зрения методологии, разработанной в философии науки, типы интеллигенции можно было бы представить в следующих категориях: 1) «классическая интеллигенция», 2) «неклассическая интеллигенция», 3) «постнеклассическая интеллигенция».

Смысл классической интеллигенции состоит в синкретическом характере ее духовных потенций. Для ее представителей целостность мировой культуры — важнейший признак духовности, отсюда стремление к изучению большого количества языков, дающих возможность строить мировые синтезы на основе принципа дополнительности. Обращенность к мировой филосо-

фии, мировому искусству, мировой науке (для XIX века речь идет, прежде всего, о европейской культуре) в рамках классической интеллигенции всегда дополняется соотносительностью с какой-либо мировой религией, которая всегда является «самым дальним аттрактором» духовной диалектики личности. Даже в тех случаях, когда невозможно установить характер конфессиональности, надо иметь в виду, что тот или иной мыслитель всегда вырастает в определенной культурно-религиозной среде. Для классической интеллигенции характерен рационалистический менталитет, точнее, рационалистическая доминанта восприятия мира. Реализм классической интеллигенции есть результат тонкой духовной подгонки под формы социального бытия в рамках своего весьма избранного сословия (например, для дворянского или буржуазного сословия). Итак, классическая интеллигенция — это элитная группа людей, для которых характерна ориентация на общекультурный гармоничный синтез. Классическая интеллигенция, как правило, результат духовной работы нескольких поколений рода.

Неклассическая интеллигенция — это упрощенная, «редуцированная интеллигенция»: она стремится подражать модели личности классического интеллигента и тем самым обрести особое качество «веро-знания», стремится подражать естественному вхождению в духовный синтез. Если для классической интеллигенции характерна рядоположенность (равнозначность) таких важных частей культуры, как религия, философия, искусство, наука, то для неклассической интеллигенции доминантной оказывается только одна какая-то часть. В силу этого и возникают «научная интеллигенция», «художественная интеллигенция» как две «основные культуры интеллигенции». В этом смысле интеллигентность классическая сродни гениальности, а неклассическая — таланту.

Неклассическая интеллигенция — это «как бы интеллигенция», «как если бы интеллигенция». Для уровня классической интеллигенции ей не хватает родовитости, богатства, образованности, вышколенности манерами социальных и культурных условий. Но, тем не менее, сила духовной пассионарности берет свое, и восходящая интеллигентность обретает себе место под

солнцем культуры. Эту особенность неклассической интеллигенции можно было бы выразить с помощью эстетико-методологического приема, характерного для Ф. Ницше, т. е. сказать, что для классической интеллигенции характерна «аполлоническая» направленность, для неклассической — «дионисическая». Неклассическая интеллигенция — это опьяненная свободой духовность; хаотизация и диссипация старой классической культуры порождает субъективное ощущение творческой эйфории, за которой может скрываться как великий взлет, так распад и гибель.

В самом субстрате неклассической интеллигенции есть как верхние, так и нижние этажи: разночинская и советская интеллигенция. История советского общества в сильной степени свидетельствует о том, что, прежде всего, уничтожали именно творческую интеллигенцию. Та интеллигенция, которая не хотела вписываться в жестко-тоталитарную модель общественного развития, действительно являлась угрозой общественной безопасности и стабильности. «Интеллигенция оттепели» — это самый яркий пример неклассической интеллигенции верхнего этажа, это элитная советская интеллигенция, которая проделала гигантскую работу по преодолению «нигилистического» (большевистского) прошлого и сделала шаг вперед к постнеклассическим моделям российской интеллигенции начала XXI века.

Она пассионарна народной жизненной (ломаносовской) силой, она способна на пересмотр устоявшихся точек зрения, она готова освоить мировую культуру, чтобы создать свой собственный «посюсторонний синтез». И все-таки разница между этими формами интеллигенции будет такая же, как между Уральскими горами и Гималаями. Кстати, образ гор как проявления высоты духовности в русской культуре, идущий от иконописной традиции, утвердился в XIX веке (достаточно вспомнить творчество А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова, картину А. Куинджи «Эльбрус»), но в мощи неклассического видения мира эта метафора расцвела под кистью Н. К. Рериха (в его знаменитом цикле «Гималаи»).

Неклассическая интеллигенция — это национальная интеллигенция, интенсивнодвигающаяся в сторону общечеловеческих глобальных ценностей. От классической она отличается тем, что уровень ее образования и степень элитарной воспитанности зна-

чительно понижаются. Количественный рост интеллигенции приводит к тому, что материально-финансовые ресурсы, затрачиваемые на формирование представителя неклассической интеллигенции, на порядок или даже два ниже, чем представителя классической интеллигенции — прежде всего дворянской интеллигенции. Она не обладает важными материально-экономическими признаками классической интеллигенции (которая в полной мере являлась хозяйкой своего свободного времени, проводимого в универсуме дворянско-усадебного хронотопа), но для нее характерна возможность приобщения ко всему объему мировой культуры и способность овладения богатствами культуры (хотя она знает уже не 10—15, а только один или два иностранных языка) благодаря возможностям развития коммуникации в XX веке. Творческая (абсолютно творческая) работа в формах деятельности неклассической интеллигенции начинает интенсивно уменьшаться, и соответственно возрастает доля времени для репродукции знания, а не для его творческого производства (в силу того, что она тратит не 5 % времени на решение материальных проблем существования, а уже 50—70 % времени).

Особое внимание современные исследователи уделяют феномену постнеклассической интеллигенции, которая чаще всего воспринимается современными исследователями (социологами, историками, политологами) как «Помпеи Духа», как «неинтеллигенция». В известном смысле они правы, ибо классическая интеллигенция практически больше не существует («Бог умер»), это реликтовая форма ноосферной истории человечества. Более того, в известной мере и неклассическая интеллигенция в условиях глобализации и информатизации сокращается как шагреновая кожа.

Постнеклассическая интеллигенция оказывается в тисках рыночно-грантового давления и начинает производить продукцию механически, до известной степени без возникновения нового качества. В обществе складывается ситуация, когда знания нового качества государством не оплачиваются. Тем самым тормозится очень важный момент формирования аттракторов будущего, т. е. той родовой деятельности, ради которой и существует сама интеллигенция. Как только это качество перестает

быть заметным, так в общественном зеркале перестает отражаться и тот социальный субстрат, который называется «интеллигенция» — интеллигенция умирает как «вещь для нас».

Постнеклассическая интеллигенция — это результат свободной духовной жизни для каждого. Естественно, именно поэтому она столь бесконечно многолика и разнообразна и столь не похожа на все то, что считалось интеллигенцией до этого времени. Как оказывается, постнеклассическая интеллигенция — это одновременно и отрицание интеллигенции и полное утверждение интеллигенции как феномена в мировом историческом процессе. Круг замкнулся: из прекрасного цветка классической интеллигенции выросло гигантское дерево духовного бытия человечества, которое цветет уже не одним цветком, хотя, как известно, многие из этих цветков окажутся культурным пустоцветом. Но такова логика и природа «цветущей сложности», о которой писал К. Н. Леонтьев.

Духовные формации

В отличие от цивилизационного традиционный формационный подход не оставляет фактически места для доминантности Духа — Разума в историческом процессе (соотношение базис — надстройка предполагает обратное воздействие надстройки на базис, но это все-таки форма «вторичной детерминации», которая связана с некоторыми моментами индивидуального и общественного сознания). В цивилизационном подходе значительное место отводится роли духовных факторов и их носителям — элите, интеллигенции, культурной формации (субстанции), т. е. человеческому (антропогуманистическому) измерению — своеобразной нусо-рациональности исторического процесса.

Методология элиты А. Тойнби — один из весьма важных вариантов обоснования роли интеллигенции в историческом процессе. Ответ на вызов истории дает не просто правящая верхушка (она лишь переводит сформированный интеллектуалами образ будущего в формы организационного исполнения), а та интеллигентная и интеллектуальная элита, которая была выпес-

тована соответствующей образовательной и воспитательной системой общества.

В последнее время наблюдаются существенные модернизации формационного подхода, которые связаны с попытками объединить достоинства как формационного, так и цивилизационного подходов. В частности, при анализе структуры способа производства выделяют не только экономический, но и технологический способы производства. Этот шаг позволяет значительно расширить варианты модернизации формационного подхода к анализу прогрессивной динамики социума. Учитывая, что в производительные силы включается человек (главная производительная сила), а также наука (как непосредственная производительная сила), очевидно, есть возможность поставить вопрос о выделении *духовного способа производства*. Этот шаг позволит внести в формационный подход не только дуалистические, но и плюралистические моменты.

При определенных условиях (в информационном, постиндустриальном, ноосферном обществе) стандартный (не столько Марксов, сколько советский) формационный подход неизбежно должен превратиться в свою противоположность: формы детерминации элементов в нем могут существенно измениться. На первый взгляд может показаться, что речь идет о гегельянской реформации формационного подхода Маркса, но думается, что это не совсем так: в такого рода интерпретации реализуется не столько идеалистическая, сколько универсальная парадигма социально-экономического философствования.

Переосмысление формационного подхода приводит к введению понятия «духовные формации». Что же обозначает этот термин? Во-первых, он напрямую связан с представлениями о духовном производстве (и, думается, с понятием «духовный способ производства»). Во-вторых, в нем концентрируется цивилизационная (культурная) динамика, которая в значительной степени была характерна для российской духовной традиции. В-третьих, появляется возможность разработать варианты комплементарности формационного и ноосферного подходов, о чем думала еще в начале 80-х годов XX века отечественная гуманитарная элита, разрабатывая представления о единстве процессов

становления «коммунизма» и «ноосферы». В-четвертых, подобные поправки весьма близки к современным универсальным подходам в социологии и философии. В-пятых, такого рода развитие формационного подхода позволяет включить в него возможности информационного и синергетического подходов. Конвергенция формационного и цивилизационного подходов, на наш взгляд, в полной мере соответствует методологии универсального эволюционизма, без которого невозможно понять особенности ноосферной истории человечества.

Отечественная философская традиция при анализе социальных процессов в своих развитых формах ориентировалась на приоритетные моменты духовного становления. Дело в том, что архетипом понимания социального развития традиционно являлась христианская (православная) традиция. Ярким примером такого рода является архетип лестницы Иоанна Лествичника. Восхождение по ступеням духовного совершенствования — это и есть своего рода духовные формации человеческого развития. В основу такого движения естественно кладется аксиологическая составляющая исторического процесса, прежде всего нравственное ее измерение. Но не будет большой ошибкой, если при анализе социальных форм восхождения по этой лестнице общественного развития будут рассмотрены критерии и эстетического, и экологического, и ментально-информационного характера. Таким образом, задаваемая модель может служить прообразом представлений о духовных формациях в индивидуально-персоналистическом и социальном измерениях.

Значительный шаг в развитии представлений об общественно-духовных формациях в русской философской традиции сделан в связи с развитием социологии. В этом случае мы имеем пример того, как с помощью социальной философии выстраивается онтологическое, гносеологическое, аксиологическое и праксиологическое измерения интеллектуально-духовного развития как отдельного общества (локальной цивилизации), так и человеческого общества в целом (человеческой цивилизации). Как видим, посыл от цивилизационного подхода к формационному обобщается развитием самого цивилизационного подхода.

В творчестве В. С. Соловьева «софийные формации» имеют ярко выраженный онтологический смысл, когда речь идет о

формах растительной, животной и человеческой Софии. Процессы оразумления биосферы, выражаясь современным языком цефализации и сапиентации, представлены Соловьевым в рамках использования софиологической парадигмы общественного (универсумного) развития.

Значительный шаг в понимании логики духовных формаций был сделан В. И. Вернадским в контексте разработки феномена научной мысли. Научная мысль рассматривается российским мыслителем как одна из ипостасей духовной культуры наряду с религией, философией и искусством. Выявление особенностей этих форм духовности в контексте общекультурного процесса позволяет говорить о новой критериальности, предложенной В. И. Вернадским к анализу развития человеческой цивилизации.

В этом смысле можно говорить о художественной, религиозной, философской и научной духовных формациях, которые не просто отрицают друг друга, но каждая новая духовная формация снимает, вбирает в себя последующие, становясь на определенное время доминирующей формацией. Для усиления аналогии с формационной теорией К. Маркса важно указать и на возможность двойного отрицания (отрицания отрицания), т. е. на особый синтез всех этих ипостасей в условиях развитого информационного общества.

Эвристичность такого подхода особенно видна в связи с представлениями о ноосферной реальности, ноосферном развитии и формировании ноосферного сознания. Современная духовная формация — это ноосферная формация, о которой уже говорится в философской литературе, в частности в работах А. К. Адамова.

Предлагаемый в данном случае подход предусматривает другое — непрямолинейное — решение, ибо ноосферная формация принципиально иное явление: если открытые К. Марксом формации — это общественно-экономические (материальные) формации, то ноосферная формация принадлежит к ряду духовных формаций в истории человечества.

Отметим, что в отечественной традиции имеют место и более сложные онтологические решения проблемы духовных формаций. Так, Д. Л. Андреев в «Розе Мира» рисует достаточно

сложную картину духовного мироустройства, которая включает многочисленные сферы духовно-вселенского восхождения.

Интересный подход характерен для Н. К. Рериха: логика развития духовной жизни человечества представлена движением от дикости к цивилизованности, от цивилизованности к образованности, от образованности к интеллигентности, от интеллигентности к культурности. Эта цепочка интересна тем, что, во-первых, отмечена общая стрела эволюции — от дикости, т. е. «звериности», «животности», к культурности; во-вторых, намечается формация цивилизованности как форма достаточно низкого развития (связанного с овладением некоторыми способами социального бытия посредством развития технической среды обитания, искусственного мира); в-третьих, важно подчеркнуть, что разведены ступени образованности и интеллигентности (ибо образованность предполагает некую фрагментарность инструменталистского порядка, образованность обслуживает цивилизацию); в-четвертых, отметим, что высшей духовной формацией Н. К. Рерих называет «культурность», что означает не только самое полное выражение субстанциальности духовности искусственного-естественного, но и наибольшее приближение к формам духовности. Это понимание позволяет говорить о возможности достраивания рериховской лестницы духовных формаций собственно формой духовности, которая может рассматриваться как непосредственное и естественное продолжение культурности человеческого бытия.

Ноосферная история: от ноосферного конфликта к ноосферному гуманизму

Важнейший аспект связи ноосферной истории и духовных формаций заключается в формах развития интеллигенции. Интеллигентность — это культура открытости, т. е. способность поддерживать принципиальную открытость системы для ее возможной эволюции в рамках более сложной системы или общности. В некоторых случаях система принципиально отгораживается от внешних воздействий или пытается навязать свои формы

поведения и жизнедеятельности окружающей среде вне контекста адаптации или ассимилирования; при этом может возникнуть вариант, когда внешнее осуществляет насильственное воздействие, вторжение, экспансию. В такой ситуации естественность коэволюции разрушается, возникает отторжение — ноосферный конфликт. *Ноосферный конфликт — это противоречие между материальной (экономической) и духовной (интеллектуальной) составляющими всемирноисторического процесса, проявляющееся на уровнях природа — общество, биосфера — цивилизация, человек — Вселенная.* В философском смысле ноосферный конфликт проявляется на уровне единичного, особенного и всеобщего.

Как создать условия для духовной коэволюции культур разных народов? В известном смысле можно сказать, что речь идет о толерантности и терпимости, т. е. о том качестве, которое становится особенно важным сейчас. Все выше сказанное позволяет утверждать, что в русской социально-философской традиции с самого начала можно усмотреть стремление к постижению логики и диалектики духовных формаций, не только онтогенеза, но и филогенеза становления духовности в земной космопланетарной реальности.

Через призму ноосферного гуманизма можно видеть природу и смысл духовно-вселенской эволюции человека и человечества. Человек развивает свои умственные и духовные потенции только постоянным духовным трудом, по аналогии с тем, как он наращивает свои мускулы в процессе физического труда. Обращаясь к Богу в молитве, общаясь с природой в самых различных формах, человек развивает свои духовные возможности Вселенского бытия. В этом трудовом духовном акте он фактически подталкивает процессы не только своей духовной эволюции, но и эволюции сознания человечества. Становление ноосферного сознания — это процесс духовного подвижничества, фундаментальная духовная эволюция.

В начале третьего тысячелетия человечество реально входит в формы «духовной революции-эволюции». Из огромного инонационального многообразия постепенно формируется мо-

дель человека глобального, планетарного, человека ноосферного, а значит — человека Вселенского (Богочеловека).

В рамках ноосферной истории сложилась доминантность трех мировых религий (буддизм, христианство, ислам) — это своеобразное выражение ноосферного триединства человеческого сознания. Между этими тремя ипостасями религиозности уже сейчас с разных сторон формируются парадигмы межсистемного взаимодействия в универсуме культуры. К такого рода нитям, связывающим мировые религии и одновременно религию с иными ипостасями культуры — искусством, философией, наукой, — можно отнести и последователей Е. П. Блаватской и Рерихов, и бахаистов, и сторонников Д. Панина и А. И. Вейника, а также многих других, которые реально расширяют «врата восприятия» (О. Хаксли) и тем самым встраивают человеческую цивилизацию во вселенский контекст.

Этот глобальный процесс общекультурного синтеза является важной стороной ноосферной истории. К числу самых значимых проявлений ноосферной истории человечества относятся: 1) восхождение к духовности все большего количества представителей *homo sapiens*, 2) все более глубокое взаимопроникновение природной и социальной истории, 3) становление *автоτροφности человечества* в различных аспектах его космопланетарного и материально-экономического бытия.

В известном смысле ноосферная история может быть представлена как метакультурный процесс восхождения человека к Богу (движение к Богочеловеку), а человечества к Богочеловечеству. Смысл ноосферной истории может быть проиллюстрирован обращением к работам В. В. Бычкова, который, анализируя предметную область эстетики как феномена и дисциплины, считает, что «эстетика — это наука о гармонии человека с Универсумом»⁷. Ноосферная история в этом смысле предстает как восхождение человека к Универсуму в различных проявлениях его бытийности. Известная фреска Микеланджело «Рождение Адама», на которой Человек и Бог почти соприкасаются самыми кончиками пальцев, поистине отражает смысл этого прикосновения к Универсуму, которое столь же недостижимо, сколь недостижимо превращение человека в Бога.

Ноосферный гуманизм — это реальное воплощение фундаментальных («истина—добро—красота») и иных общечеловеческих ценностей. По большому счету, подлинный гуманизм состоит в том, чтобы общество осознавало, что искусственное преходяще, но становится вечным, когда обретает статус естественного. Человек в процессе внутреннего и внешнего миропостроения сам создает свое ноосферное будущее, и только таким последовательным и постепенным движением он сам себе доказывает обоснованность своих собственных претензий на то, что называется ноосферным будущим.

В ноосферной истории соединяются реальная земная история и история вселенская, а геологическое время соприкасается с историческим.

Ноосферная история — это универсальная история сознания-Разума в той форме, в которой она знакома земному человечеству. Коэволюция сознания-Разума есть продолжение отражательных форм животного мира и говорит о том, что до настоящего времени человек остается сфинксом — животным с человеческой головой (именно поэтому истоки понимания смысла ноосферной истории можно видеть в египетском герметизме), двуликим Янусом. Ноосферная история — вселенская история взаимодействия неживого, живого и разумного вещества, которая порождена вселенской эволюцией живого от микроорганизмов до человека в формах развивающегося мышления-отражения, феномена «оразумления» вселенского бытия.

Ноосферная история — это процесс разворачивания ноосферного конфликта, когда материальная и духовная истории (диалектика духовности-телесности), осуществляя «высокое соприкосновение», обеспечивают «самоподдерживающееся» развитие разума (ноосферное развитие). Чем далее движется мировой исторический процесс, тем более проявляется духовная доминанта истории, тем ярче видны формы универсумной, ноосферной истории (в этом случае и возникает узкий смысл данного термина). Процессы цефализации и сапиентации выливаются в формы социокультурной динамики и ноосферного развития (социоприродной одухотворенности).

Важнейшими факторами ноосферной динамики являются феномены церкви (храма), школы и университета (средства принципиально «немассовой» коммуникации), в которых осуществляется и достигается соразмерность встречи («сретенья») прошлого и будущего в феномене экзистенциально-персоналистической истории человека и человечества. Таким образом, образование и культура предстают в качестве процесса и результата ноосферной истории. Важнейшую сторону ноосферной истории человечества отметил В. И. Вернадский, проанализировав научную мысль как планетное явление (в действительности понимаемое им как космопланетарное, вселенское явление).

Ноосферная история, как вся история живого вещества, предстает историей накопления «информации», а значит, подчиняется биогенетическому закону Геккеля—Мюллера: онтогенез (единичное развитие субъекта ноосферной истории) повторяет филогенез (универсумогенез, ноогенез, вселенский генезис). Значит, человек (богочеловек) в своем развитии предстает как факт свернутой ноосферной истории.

Мировая интеллигенция выступает существенным видимым антропологическим фактором ноосферной истории, ибо именно она осуществляет самоорганизацию Духа в формах флуктуативной информационно-генетической деятельности, создания «духовных» (ноосферных) аттракторов.

Парадигма ноосферной истории позволяет по-новому взглянуть на традиционные формы понимания исторического процесса, исторического сознания и исторической деятельности, а также раскрыть смыслы ноосферного развития и ноосферного миропостроения*.